

Л. В. Балтовский

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П. Н. МИЛЮКОВА

*Работа представлена кафедрой политологии
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета*

Статья посвящена теоретическим воззрениям лидера отечественных конституционных демократов П. Н. Милюкова на природу национально-государственных отношений в России. Милюков был видным представителем научного политического знания в начале XX столетия. Научно-социологическим подходом определяются и его взгляды по поводу так называемого «национального вопроса» и на различные аспекты национальной политики. Милюков руководствовался убеждением, что из социальной сферы эта проблема объективно перешла в политическую область, превратившись в форму политической и правовой практики.

Ключевые слова: *этнический элемент в политике, этносоциология, этнополитология, национальный вопрос, национально-государственное устройство России, национальная политика, национальный аспект в политической доктрине кадетов.*

L. Baltovsky

ETHNOSOCIOLOGICAL AND ETHNOPOLITOLOGICAL VIEWS OF P. N. MILYUKOV

The article deals with the theoretical views of P. N. Milyukov, the leader of Russian constitutional democrats, on the character of national-state relations in Russia. Milyukov was a famous representative of scientific political knowledge at the beginning of the 20th century. His views on the so-called national problem and different aspects of national policy were stipulated by the scientific sociological approach. Milyukov was convinced that this problem had objectively passed from the social sphere to the political one and become a phenomenon of political and law practice.

Key words: *ethnic element in politics, ethnosociology, ethnopolitology, national problem, national-state structure of Russia, national policy, national aspect in the political doctrine of the constitutional-democratic party.*

Проблемы национально-государственного устройства России занимали одно из центральных мест как в политической доктрине партии Народной свободы, так и в тематике выступлений ее лидера, П. Н. Милюкова, в периодической печати и на страницах книг. Пожалуй, более других современных ему политиков Милюков вникал в конкретные ситуации, связанные с национальной проблематикой, часто выдвигая ее центром своих речей в Государственной Думе, а также в ходе многочисленных публичных докладов в других аудиториях. Любопытно отметить, что при этом лидер кадетов аттестовал себя как «неспециалиста» в тех отраслях науки, которые, по его убеждению, были необходимы для политического анализа проблем национальности и построения специального «научного учения», посвященного этой проблеме. «Автор этой книги, – писал Милюков в предисловии к своему труду, посвященному “национальному вопросу”, – неспециалист по целому ряду отраслей науки, данные которых необходимы для построения научного учения о национальности...». Буквально вслед за этими словами следовало их прямое дезавуирование: «В течение не одного десятка лет я следил за данными научного исследования и за развитием научной мысли, могущими бросить свет на эти вопросы. За последние полтора десятка лет мне не раз приходилось выступать и с публичными докладами по отдельным частям настоящей работы» [1, с. 3]. Такое самоуничижительное утверждение, относящееся к 1925 г., конечно же, содержало известную долю лукавства.

В интерпретации Милюковым так называемого «национального вопроса» наглядно проявился приоритет научного подхода над идеологическим, с одной стороны, и практического над умозрительным – с другой. Его серьезные теоретические разработки в области национальности находились на стыке социологической и политической областей знаний. Социологическое знание играло роль своеобразного теоретического фундамента; политическое знание исполняло ведущую целевую функцию. Его наработки по проблематике «национального вопроса» вполне

можно оценить как существенный вклад в отечественную «этнополитологию». Сам Милюков с сожалением констатировал целый ряд негативных тенденций, характерных для конца XIX – начала XX столетий. В частности, для многих ученых было характерно считать национальности «случайным агрегатом явлений», а задачу по их научному объяснению – неправильно поставленной. Социология того времени, т. е., по мнению Милюкова, именно та «область науки, которой ближе всего касается учение о национальности», не занималась специально изучением национальной проблематики, а те исследователи и публицисты, кто все же посвящал себя постижению этого вопроса, преследовали скорее идеологические цели, а «отнюдь не цели научного объяснения» [1, с. 3].

Причину непрезентабельного состояния современного ему знания в области национальной проблематики лидер конституционных демократов находил в том, что сами по себе национальные формы (такие, например, как особенности государственного устройства, характер социальных отношений, сам общественный прогресс и другие) не обладали статусом всеобщности, а носили исключительно *частичный* характер. Абсолютизация этих узких и ограниченных признаков как раз и являлась тем самым «ферментом», который раскрашивал ту или иную идеологию в националистические цвета. В то же самое время объективная наука неизменно проявляла себя безразличной к частностям, отказываясь искать в них абсолютные, метафизические величины. Ее объективизм был призван находить всеобщие, *универсальные* объяснения, как для особенностей национального развития, так и для относительной устойчивости национальных элементов государственного и общественного быта.

В особую заслугу перед политическим знанием своего времени Милюкову следует вменить его предложение разделять так называемый национальный вопрос и собственно национальную политику. В этом требовании заключалось его принципиальное отличие от идеологически ориентированных политических лидеров, которым было свойст-

венно совершенно обратное – отождествление национальной теории и практики. Очень часто они руководствовались в политике исключительно национальными интересами или же, наоборот, подчиняли «национальное» непосредственно политическим, стратегическим и тактическим, соображениям. Поскольку суждения Милюкова в основном соотносились с деятельностью конституционно-демократической партии, не лишним будет отметить, что требования ее лидера в отношении «национального» раздела в ее работе сводились к целому ряду пунктов.

Партия должна была прежде всего определиться в общих представлениях о «национальном» как таковом, а затем уже вплотную отстаивать объективную, научную точку зрения по этому вопросу. Научные принципы, в свою очередь, должны были явиться тем фундаментом, которым определялись бы важнейшие принципы «национальной политики». В конечном итоге следовало выстроить такую нормативную базу в области национальных отношений, которая могла бы послужить для развития оптимальной политической практики применительно к одной из важнейших областей функционирования отечественного социума. В соответствии с этими постулатами в последующем изложении мы предполагаем рассмотреть разнообразные аспекты, с одной стороны, характеризующие самостоятельную позицию П. Н. Милюкова по национальному вопросу, с другой стороны – устойчивые принципы в этой области, относящиеся к деятельности партии народной свободы, на которые ее лидер оказывал непосредственное влияние.

Исходным и принципиально важным теоретическим предложением Милюкова следует назвать требование различать, с одной стороны, понятия «национальный» и «национальность», а с другой стороны, – понятия «националистический» и национализм». Он считал смысл первой пары терминов «безразличным» и в этом контексте трактовал их как «относящийся к нации» и «свойственный нации». Соответственно, вторую пару он рассматривал содержательно как «сочувствие» «к национальным чертам» и

«сочувственное отношение к национальным особенностям» [2, с. 431]. Термин «националистический» он соотносил с обозначением тенденций, направленных «к одностороннему национальному самовозвеличиванию, сопровождающему обыкновенно период военной экспансии и лишенному элемента самокритики» [2, с. 17]. В аналогичном смысле он интерпретировал и два других рядоположенных, но в смысловом отношении – противоположных, термина: «космополитический» и «интернационалистический», находя их близкими друг другу и по значению и по практическому применению. Согласно такого рода разделению, Милюков указывал на три мало похожие друг на друга, но одинаково вненаучные постановки «национального вопроса» в области сложившихся представлений о происхождении национальностей и их влиянии на современные общественно-политические процессы: космополитическую, националистическую и интернационалистическую точки зрения. Правильным алгоритмом должен был стать не поиск некоего срединного – между космополитизмом и интернационализмом – пути, а создание новой, *научной*, теории, т. е. путем пересмотра вопроса по существу. Исходный пункт такого адекватного подхода должна была составить, по мнению Милюкова, исключительно эволюционно-социологическая позиция, вытекавшая из современного (разумеется, на тот исторический момент) состояния науки. В основание предлагалось положить не идеологический (не суть важно – консервативный или же либеральный), а научный, т. е. нормативный, подход.

Процесс развития национальности Милюков сводил к двум периодам: длительному процессу ее *создания* и относительно короткому – ее *самосознания*. Признавая известный схематизм такого деления (сознание как осознание принадлежности к человеческому роду, безусловно, оказывалось характерным не только для современных разделов новой и новейшей истории человечества, но и для ранних ее стадий), он делал акцент на различной природе двух типов «легитимации» национальности (хотя и не употреблял этого

термина) – на складывающейся стихийно и сдерживаемой «суровой дисциплиной вождей и религии», с одной стороны, и основанной «на началах свободной критики и общественного участия в государственном строительстве» – с другой [2, с. 49].

Основным фактором, создающим «национальность», Милюков считал *подражание*, представляющее собой с позитивистской точки зрения важнейший социально-психологический регулятор взаимоотношений в человеческом общении, исполняющий роль наследственности в природе [4]. В так называемые «первобытные» времена социальное подражание регулировалось целым рядом властных факторов: оно поощрялось особой системой институтов, находилось под охраной религиозных санкций; нарушавший законы подражания объявлялся преступником. Главным же регулятором взаимоотношений внутри такого общества, источником дисциплины, необходимой для его самосохранения, выступала традиция – особая форма социальной памяти. Однако любое древнее общество существовало также и благодаря *заимствованиям* извне – особой разновидностью подражания, которая в ту эпоху оказывалась своеобразным проявлением «интернационализма». Наконец, существовал еще один фактор, без которого невозможно представить себе древний мир, – постоянное передвижение больших и малых групп населения в изначально свободном пространстве. Чем более плотным и частным становилось такое общение, тем более однородным становился язык; жесткая социальная иерархия поддерживала не только классовое расслоение, но и стимулировала национальную дифференциацию.

Если наука XIX столетия видела в развитии «национальности» прежде всего стихийный социальный процесс, то современное Милюкову обществознание объективировало *политический фактор как решающий аспект*, создающий особый тип «национальности» нового времени. В тот момент, «когда национальность полагает сама себя как основа государственности, как некое моральное существо, обладающее «национальной» волей

и направляющее эту волю к определенному действию», она становится «активной» и «волюнтаристической», иными словами, она становится «нацией» [1, с. 60]. Центр тяжести национального вопроса переносился таким образом в сферу политических отношений. Расширение общения регулировалось сверху вниз: политические «верхи» начинали диктовать самые разнообразные формы национального: моды, язык, само сознание своей государственной идентичности и так далее. «Национальное» становилось неотъемлемым элементом государственной политики или, другими словами, превращалось в *национальную политику*. Проводником такой политики становилась, как правило, национальная интеллигенция. Однако ни политики сами по себе, ни поддерживающая их в этом процессе интеллигенция еще не создавали «национальность». Все они занимались лишь тем, что осмысливали единство национального типа, формулировали перед нацией общие цели, подготавливали инструментарий общения.

«Национальное» превращалось в *движение*, как только *политическое соединялось с социальным*, когда объединительный процесс захватывал массы, и в сознание каждого члена сообщества входила конкретная общая идея. Таким образом, процесс национального самосознания доходил до самых низов, и с этого времени развитие национальной идеи оказывалось тесно связанным с развитием революционных идей. «Национальное» постепенно превращалось в важнейшую парадигму общественного, а в высших своих проявлениях и политического самосознания (правосознания). Примечательно, что в политическом смысле хранителями национального самосознания выступали группы, программа которых ставила своей целью сохранение остатков прошлого и опору на традицию. Происходила консервация таких принципов жизненного уклада, которые формировались в период, когда отсутствовали какие бы то ни было условия для нормального функционирования самой общественной мысли. В результате национализм переносился из внешней политики в область политики внут-

ренней. В то же самое время выразителями общественного самосознания становились группы, занятые переустройством будущего. Таким образом, с национальным самосознанием была тесно связана охранительная тенденция, тогда как общественное самосознание носило по преимуществу реформаторский характер.

Анализируя процесс формирования «национальности» в России, Милюков выделял несколько периодов национальной мысли, особо отмечая как некую устойчивую доминанту постоянное идейное и политическое соперничество «национализма» и «европеизма» на русской почве. Элементы общности с другими странами оказывались столь же необходимыми, как и элементы национального своеобразия. Первую ступень составляли «*бытовой или этнографический* национализм и европеизм», отличавшие Петровскую эпоху и частично последующие времена. «*Политический* национализм и европеизм был характерен для периода 1770–1825 гг. Далее следовали «*религиозно-философский* национализм» и «европеизм радикального типа», относящиеся к 1825–1850 гг.; «*социальный* национализм и европеизм», свойственный следующей четверти века. Завершали эволюцию осознания национального, появившиеся в конце XIX столетия – «*научный* национализм (неославянофильство) и европеизм “эволюционный либерализм”» [1, с. 102–103].

Собственную позицию Милюков соотносил с «либеральным» направлением, полагая, что именно «эволюционный либерализм» в большей степени, чем противоположное направление, обусловлен научными методами познания и, соответственно, более, чем какое бы то ни было иное течение мысли, удовлетворяет требованиям научности. В своем «донаучном» прошлом либерализм не мог претендовать на абсолютизм «целостного» мировоззрения, поскольку он был эклектичен. Его представители занимались скорее практической деятельностью, нежели теоретизированием. В новых условиях, когда либеральная идейная традиция соединилась с принципами научности, в результате про-

изошло устранение противоречий между идеями самостоятельности и заимствования, национализма и европеизма.

Такой исход, в частности, проявился в оформлении принципиально новой идеи, согласно которой на первый план объективно выдвинулись *общие* для всех европейских стран *закономерности общественно-политического развития*, которые к началу XX столетия превратились в неотъемлемую органическую составляющую общеевропейского национально-исторического процесса. В Европе этот процесс начал разворачиваться примерно на сто лет ранее, чем в России. Наиболее радикальные изменения в этой сфере произошли после того, как провозглашенный с трибун революционных собраний Великой Французской революции и подкрепленный философскими рефлексиями Канта и Фихте, принцип нового понимания «национальности» задал нации функцию субъектности, превратив эту общность не только в носителя, но и в хозяина собственной воли. Для Милюкова этот, во многом переломный, момент в истории человеческого сообщества означал важнейшую точку отсчета, окончательно отделившую новый дух «волютаризма» от старого понимания «национальности», тождественного традиционализму и иррационализму, метафизичности и антидемократизму.

«Волюнтаристический» процесс национального развития сам по себе содержал в себе две противоположные стороны: распространение национального сознания *сверху* могло поддерживать как здоровую, положительную сторону развития, так и вредную, отрицательную. Для Милюкова было очевидным, что гипертрофия национального чувства приводила к целому ряду негативных последствий. Во-первых, не только исторически «господствовавшая», но и еще недавно «угнетенная» национальность устремлялась к захватам во внешней политике, руководствуясь идеалом «великодержавности», как только более-менее становилась на ноги. Во-вторых, в том случае, когда национальное чувство паразитировало на формах прошлого, оно становилось тормозом для свободного

творческого исторического процесса. И, наконец, в-третьих, социум мог воспринимать собственное чувство национальной принадлежности приоритетным и над государством, и над социальной стороной жизни, и над духовными интересами общества. Все эти отклонения от нормы, безотносительно отнесли ли они к «своей» или же «чужой» национальности, Милюков предлагал рассматривать как проявления «национализма».

П. Н. Милюков понимал идею федерализма как национальную и территориальную автономию, соединенную с сильными общероссийскими государственными формами и общими правовыми нормами. Разработанные им принципы национальной политики нашли свое непосредственное воплощение в программных документах конституционно-демократической партии. Эти документы содержали целый ряд предложений по конституционному закреплению и гарантированию всем населяющим империю народностям, помимо утверждения принципа полного гражданского и политического равноправия всех граждан, особого права «свободного культурного самоопределения», под которым подразумевалась полная свобода употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свобода основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности и т. п.

В то же самое время предполагалось, что русский язык станет языком центральных учреждений, армии и флота, в то время как «употребление наряду с общегосударственным местных языков в государственных и общественных установлениях и учебных заведениях, содержащихся на средства государства или органов самоуправления», будет регулироваться «общими и местными законами, а в пределах их – самими установлениями». Населению каждой местности давались обязательства получать «начальное, а по возможности и дальнейшее образование на родном языке». После установления прав гражданской свободы и правильного представительства с конституци-

онными правами для всего Российского государства должен быть открываться правомерный путь в порядке общегосударственного законодательства для установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия и осуществления законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения.

Принцип «автономности» объяснялся Милюковым и его коллегами по партии тем, что он не предполагал отделение одной народности от государственного целого, а означал всего-навсего право известной области государства иметь свое представительное учреждение для рассмотрения дел, касающихся исключительно только этой области. Однако все решения по этим делам должны были восходить на утверждение Императора. В то же самое время вопросы, относящиеся к ведению всего государства, и при автономии должны подлежать ведению общей Государственной Думы. Таким образом, принцип «автономности» всецело обуславливался требованием «*сохранения государственного единства*» [3, с. 50].

Положения, закрепленные в программе кадетов, несомненно, свидетельствовали о стремлении ее лидеров к нормативно узаконенным свободам. Яркое и наиболее полное проявление справедливости этих тезисов сказалось на фоне мировой войны, которая своим объективным ходом привела к торжеству малых национальностей. С одной стороны, русский национализм стал агрессивным и официальным, с другой – ответом на него стал такой же агрессивный национализм пробуждавшихся национальностей. Революция только усилила центробежные процессы внутри России. Требования демократизации социального строя приняли форму призывов к политической автономии и тем самым привели к практическому искоренению идеи федерализма. Крайности содержали в себе и движение «реакционного национализма», воплощенное в деятельности III и IV Государственных дум, так и крайний централизм коммунистической власти. Насилие оказалось зачастую единственной и потому есте-

ственной формой решения множественных «национальных вопросов».

Однако в трактовке «национального вопроса» кадетами в целом и Милюковым в частности существовали как свои внешние, так и внутренние противоречия. Еще до мировой войны наметился серьезный разрыв между политическими декларациями и реальной политикой. Так, например, если в программных документах партии Народной свободы особо прописывались права населения Польши и Финляндии, то по отношению к другим национальным образованиям подобного рода меры не предусматривались вовсе. Политическая программа кадетов в целом содержала позицию, которую, если следовать терминологии их политических противников социалистов, следовало бы называть «великодержавной». Действительно, конституционные демократы, являлись скорее унитаристами, нежели федералистами. Допуская культурно-национальное самоопределение, они совершенно не признавали прав наций и народностей ни на политическое самоопределение, ни, тем более, на отделение от Российской империи.

В толковании национального вопроса Милюков руководствовался убеждением, что из сферы социальной эта проблема объективно перешла в область политическую, из формы общественного самосознания – непосредственно превратилась в форму политической и правовой практики. В выборе между социологической и политической реальностью лидер конституционных демократов неизменно принимал теоретические решения в пользу последней. Однако в то же самое

время подчиненное «политическому» «национальное» фактически полностью отрывалось от «социального»: «национальный вопрос» существовал в его представлениях как бы изолированно от «социального вопроса».

В целом практические рекомендации П. Н. Милюкова сводились к следующим нормативным выводам. В политике нельзя руководствоваться собственно национальными принципами, но следует ориентироваться только исключительно на государственные позиции. В свою очередь, политика должна считаться с доводами науки. Политика должна максимально осторожно обращаться с продуктами социального общения и взаимодействия народов, поскольку сами основы этих процессов в достаточной степени оказываются неуловимыми, в то время как их продукты – вполне устойчивыми. Антинациональная и ассимиляционная политика национального большинства против меньшинства может привести лишь к обострению и озлоблению отношений, а в конечном итоге – к распаду тех государств, которые позволяют себе подобную политику. В то же самое время в практической политике оказываются крайне опасными и жесткими националистически окрашенные требования. Позитивист и европеист по своим убеждениям, Милюков до конца жизни оставался непримиримым борцом с политическим иррационализмом, полагая, что противостоять иррационализму и национальному мифотворчеству можно только исповедуя принципы политического плюрализма и ориентируясь на высшие достижения человеческой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милюков П. Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). М., 2005.
2. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 3. С. 431.
3. Нападки на партию Народной свободы и возражения на них / под ред. А. А. Кизеветтера. М., 1906. С. 50.
4. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892.